Р.Н. Дёмин
Гимназия «Петершуле» (СПб.)

А.И. Кобзев
ИВ РАН

Китайская текстология как строгая наука

(*к 80-летию со дня рождения В.С. Спирина*)

Владимир Семенович Спирин – гениальный ученый-самородок, один из наиболее самобытных и проницательных исследователей древнекитайской философии, смогший лишь интеллектуальной силой своих трудов без всякой организационной поддержки стимулировать появление самого оригинального направления в отечественной синологии конца XX – начала XXI в.

В.С. Спирин родился 5 мая 1929 г. в с. Байкалово Байкаловского р-на Свердловской области в семье крестьянина и работницы. Закончив среднюю школу, в 1947 г. поступил в Ленинграде на восточный факультет ЛГУ, где сначала был зачислен на маньчжурское отделение, а затем в связи с образованием КНР в 1949 г. директивно переведен на китайское, по окончании которого в 1952 г. и аспирантуры философского факультета ЛГУ в 1955 г. с 1956 г. до самой смерти 17 мая 2002 г. работал в Ленинградском отделении/филиале Института востоковедения АН СССР / РАН.

В 1956–I962 гг. основным занятием В.С. Спирина было описание китайских рукописей из Дуньхуана в группе, в которую также входили Л.Н. Меньшиков и С.А. Школяр. В.С. Спирин был одним из авторов первого выпуска (М., 1963) и участником подготовки к изданию второго выпуска «Описания китайских рукописей дуньхуанского фонда Института народов Азии». В 1964 г. он вместе с другими исполнителями этой сложной работы был удостоен Французской академией надписей и изящной словесности премии Станислава Жюльена. В 1961 г. В.С. Спирин опубликовал совершенно новаторскую, вызвавшую противоречивые оценки, но сразу же проницательно охарактеризованную В.М. Штейном как «выдающееся научное открытие» статью «О „третьих“ и „пятых“ понятиях

© Дёмин Р.Н., Кобзев А.И., 2009

в логике Древнего Китая», в которой были высказаны многие положения, ставшие основой его будущих многолетних изысканий и получившие серьезное развитие в инициированных ею трудах о важнейшей методологической категории *сань-у* 三五 («троицы и пятерицы») А.И. Кобзева (1980, 1994), А.М. Карапетьянца (1984), А.А. Крушинского (1996, 1998, 1999). Статья, вызвавшая интерес и получившая высокую оценку не только у некоторых китаеведов (В.М. Штейна, Л.Н. Меньшикова), но и у историков логики (Н.И. Стяжкина, М.В. Поповича), продолжающая получать противоречивые оценки, не потеряла научного значения и спустя почти полвека, будучи переизданной в 2006 г. в приложении к «Построению древнекитайских текстов» (о чем ниже). В 1965–1966 гг. он девять месяцев стажировался в Народном университете КНР, где воочию столкнулся с «культурной революцией», о которой по возвращении читал публичные лекции.

Изучение ряда философско-методологических произведений Древнего Китая и попытки перевода основополагающих трактатов «школы имен» (*мин цзя*) – «Дэн Си-цзы» и «Инь Вэнь-цзы» – привели его к обнаружению в них особой, названной им каноном, формы построения текстов, выявление которой позволяет улавливать интенсиональный контекст и категориальный состав в очень важных и трудных для понимания памятниках древнекитайской идеологии. В эти годы В.С. Спирин подготовил рукопись до сих пор не опубликованной монографии «„Дэн Си-цзы“ как логико-гносеологическое произведение. Перевод, комментарий, исследование». Более полно полученные результаты были изложены им в книге «Построение древнекитайских текстов», написанной в 1968 г., отражены в программной статье «Системно-структурный подход к древнекитайским памятникам идеологии» (Народы Азии и Африки. 1969, № 4) и защищены в кандидатской диссертации по философии 29.10.1970. Выйдя из печати при поддержке Л.Н. Меньшикова, В.С. Колоколова, В.Г. Бурова, А.М. Карапетьянца, под редакцией и с послесловием Ю.В. Рождественского, главная и единственная книга В.С. Спирина «Построение древнекитайских текстов» (М., 1976) сразу получила чрезвычайно высокую оценку в рецензиях специалистов (Народы Азии и Африки. 1978, № 3). В частности, А.М. Карапетьянц заключил: «В общем, не будет преувеличением сказать, что появление рецензируемой книги – важнейшее событие в отечественном и мировом китаеведении, а предложенная в ней методика и полученные результаты – огромный шаг вперед в понимании древнейшей китайской культуры, имеющей мало прецедентов. Это, на мой взгляд, достижение того же масштаба, что и результаты, полученные китайской критической филологической школой XVII–XIX вв., и дешифровка надписей на гадательных костях Ван Говэем и другими китайскими учеными начала XX в. В.С. Спирину удалось открыть один из «секретов» языка, своего рода шифр древнекитайских научных текстов, что позволило впервые применить к письменным памятникам древнейшей китайской культуры точный, формальный подход, объективно оценить их содержание, и, в частности,

показать высокую степень развития китайской научной мысли в последние века до н.э., во многом оставшуюся непревзойденной в последующие эпохи». А.И. Кобзев сделал вывод, идущий еще далее: «Чрезвычайно глубокое по мысли и богатое по вложенному в него труду, совершенно самобытное научное исследование В.С. Спирина своею значимостью выходит за рамки синологии, открывая широкие перспективы текстологической и вообще культурологической работы, касающейся самых разных цивилизаций». Оба рецензента предсказывали обязательное переиздание этого экстраординарного исследования, что и произошло, но, увы, лишь через тридцать лет и посмертно (СПб., 2006).

Наряду с исследовательской деятельностью В.С. Спирин преподавал, с 1977 г. он несколько лет читал спецкурс по древнекитайской философии на философском факультете ЛГУ, и этот спецкурс пользовался популярностью не только у студентов и аспирантов, но и среди более широкого круга любителей восточной культуры. Постепенно объем спецкурса увеличился с 18 до 64 часов. И в последний год жизни В.С. Спирин, несмотря на болезнь, прочел спецкурс из 11 лекций, посвященный главной теме своих исследований 1990-х гг. – «Чжоу и» / «И цзину». Последние годы своей жизни он много работал, но мало публиковал. В итоге, по свидетельству Л.Н. Меньшикова, из-за невиданной ныне высочайшей требовательности к самому себе «подавляющее большинство написанного В.С. Спириным осталось в рукописях в его домашнем архиве и частично в Архиве востоковедов».

В соответствии с пожеланием усопшего его прах был развеян на родине над рекой Миасс. Подробный некролог «Памяти Владимира Семеновича Спирина» с библиографией его основных изданных и неизданных трудов опубликовал Л.Н. Меньшиков (при участии Р.Н. Дёмина) в «Петербургском востоковедении» (вып. 10. СПб., 2002).

Разработанная им методика анализа формального и семантического строя древнекитайских текстов заставила его пересмотреть традиционные толкования ряда основных категорий, таких как *син/хан* (из *у син* – «пяти элементов»), *дао* («путь»), *дэ* (благодать»), *цзи* («предел») и т.д. Их новые определения демонстрировали тесную связь древнекитайской философии с естественными науками своего времени и в первую очередь с математикой. По мнению В.С. Спирина, на философию Китая имели фундаментальное методологическое влияние математические представления, отраженные не только в содержании, но и в логике и структуре текстов. В частности, он выявил сходство канонов с системой уравнений, решаемой по табличному методу *фан-чэн* 方程. Им была обнаружена и освещена в докладе на всесоюзной конференции «Актуальные проблемы философской и общественной мысли зарубежного Востока» (Душанбе, 1983) чрезвычайная роль пронизывающей всю китайскую философскую классику пространственной аналитики – «геометрической образности», которую потом А.А. Крушинский с претензией на первородство переименовывал то в «начертательность древнекитайской логики» (1993), то в

«математичность ицзинистики» (1995), то в «каббалистичность „И цзина“» (1996, 1998). Результаты обширных терминологических исследований В.С. Спирина были представлены в десятке публикаций в материалах конференции «Общество и государство в Китае» (М., 1974–1987), многих докладах для годичных научных сессий Института востоковедения, дюжине публикаций в «Письменных памятниках и проблемах истории культуры народов Востока» (М.–Л., 1974–1991).

В.С. Спирину удалось выявить также новую разновидность канона – «спиралевидный канонический текст», что, к сожалению, осталось незамеченным. Описанный им универсальный параллелизм носит более общий характер, чем лингвостилистический параллелизм в *вэньяне*, и сходен с универсальным явлением симметрии, поэтому достижения В.С. Спирина правомерно рассматривать в более широком, чем синология, контексте общей теории симметрии. Он считал, что его структурный анализ, вскрывая во множестве реальных текстов исторически достоверные логические формы и их теоретическую фиксацию, является важным средством изучения истории логики и гносеологии в Китае, позволяющим соединить исследования древних логико-гносеологических теорий и практической логики рассуждений. Там, где другие исследователи видели хаос, набор случайных фраз, отрывков, слабо связанных между собой, В.С. Спирин находил строгий порядок. Разработанный им метод таблично-графического представления текстологических структур, обеспечивающий простоту и наглядность анализа и описания текстов, заставляет вспомнить применение графических средств в логике (Ламбертовы линии или круги Эйлера) или графический метод Клапейрона в термодинамике. По крайней мере дидактические достоинства этого очевидны. Строго научную эффективность данного метода продемонстрировал в 1982 г. сам его автор на целостном тексте «Си цы чжуани», а в 1998 г. аналогичную процедуру с «Дао дэ цзином» успешно проделали А.М. Карапетьянц и А.А. Крушинский. Анализируя тексты, содержащие несколько слоев и отнесенные к категории «тяжелого/трудного» (*нань* 难) канона, отличного от «легкого» (*и* 易), т.е. двумерного, плоскостного, В.С. Спирин разработал его трехмерную модель в виде куба из 27 элементов.

Новаторским идеям В.С. Спирина была суждена далеко не легкая судьба. Совершенно того не желая, он приобрел репутацию enfant terrible советской синологии 70-х – 80-х годов прошлого века, эпатируя «духовно» настроенных исследователей китайской религии и философии своей «весомой, грубой, зримой» интерпретацией *дао* как графики. Однако его работы, войдя в резонанс с развитием структурализма и семиотики, оказали сильное эвристическое влияние на поколение отечественных китаистов, сформировавшееся во второй трети XX в. Это влияние, например, очень заметно в материалах конференции «Общество и государство в Китае» 1980-х гг.: В.В. Лихтман показала значение данной методики в исследовании «Ши цзина» и «Шань хай цзина» (1985–1989), Н.В. Ивочкина – двумерных легенд на китайских монетах и бумажных деньгах (1986,

1987), М.В. Исаева – традиционного землеописания и теории музыки в Китае (1984–1988), а Д.Л. Спивак – матричных построений в стиле плетения словес древнерусской литературы XIV–XV вв. (1984–1989). Благодаря презентации выдержек из книги В.С. Спирина в “Extrême-Orient – Extrême-Occident” (P., 1991) на французском языке с его идеями познакомились зарубежные ученые. И можно предположить, что некоторые интерпретации важнейшего памятника древнекитайской математики «Цзю чжан суань шу» («Счетное искусство / Правила счета в девяти параграфах/разделах») его французской исследовательницей и переводчицей К. Шемла (K. Chemla, 2004), активно сотрудничавшей со знатоками методики В.С. Спирина – В.В. Лихтман и А.К. Волковым, навеяны его книгой, где этому канону посвящен специальный подраздел (II, 2). Однако, поскольку В.С. Спирин был подлинным научным аскетом и пророком, а несть пророка в своем отечестве, постольку многие его открытия до сих пор недооценены и даже не замечены. Например, такой корректный автор, как А.К. Волков, в своем первом же исследовании «Цзю чжан суань шу» (XV НК ОГК. Ч. 1. М., 1984) подтвердил опубликованные в 1976 г. выводы В.С. Спирина о специфическом техническом смысле термина *чжан* 章(«параграф/раздел»), входящего в заглавие трактата, и «особом принципе построения текста», но, увы, без какой-либо ссылки на предшественника. Поэтому остается только надеяться на старинную русскую традицию посмертного воздаяния по заслугам своим пророкам.